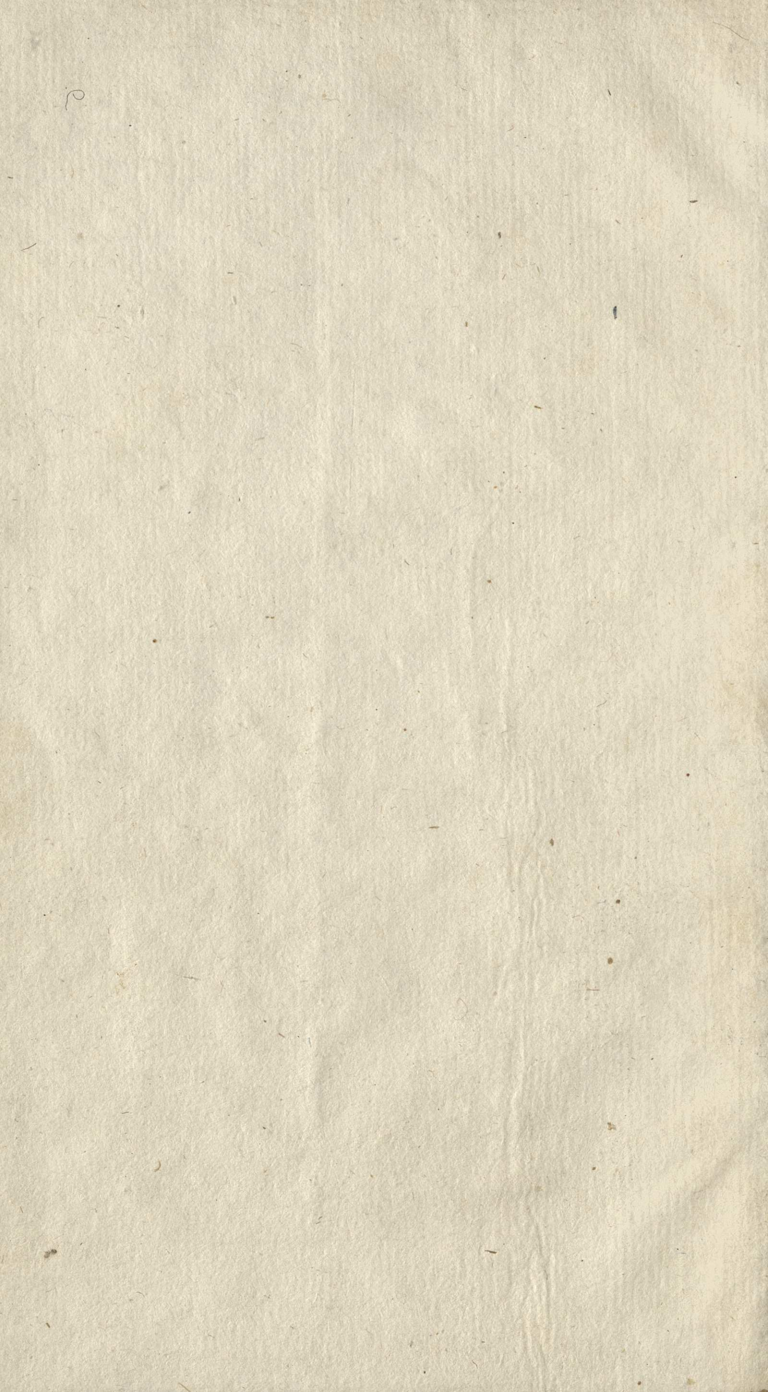

ТРИ РАЗГОВОРА

ИЗЪ

ВОЛТЕРОВЫХЪ СОЧИНЕНІЙ:

I. Челобитчика съ Стряпчимъ.

II. Г. Мантюны съ дѣвицею Анкло

III. Марка Аврелія съ Францисканомъ.

IV. Сент - Реалово преданіе, о любовныхъ обращеніяхъ древнихъ Римлянокъ.

V. Письмо Бантамскаго посла къ своему Государю изъ Лондона.

переведены

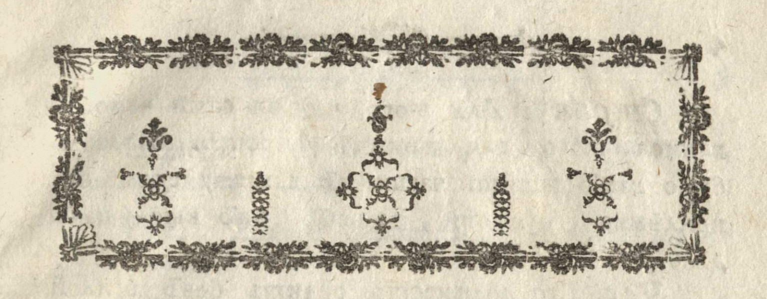
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

НА РОССІЙСКІЙ ЯЗЫКЪ.

ВЪ Санктпетербургѣ,

1777 года.

I.

РАЗГОВОРЪ

Челобитчика съ Стряпчимъ.

Чел. Что жъ Сударь, дѣло тѣхъ бѣдныхъ сиротъ?

Стряпч. Какъ! только еще 18 лѣтъ, какъ ихъ деревни описаны, проѣстей и волокитъ стало имъ только третья доля всего именія; а вы жалуетесь.

Чел. Я не жалуюсь на такую бездѣлицу, я знаю сей обычай и ево почитаю. Да длячево вы цѣлыя три мѣсяца просите, чтобъ ваше дѣло выслушали, и на силу того добилися на севоднишній день?

Стрялч. Для того, что вы сами не добивалися того для ваших сиротъ. Надобно было вамъ ходить часто къ вашему судьѣ его прилѣжно просить, чтобъ онъ выслушалъ дѣло.

Чел. Его должность судить безъ всякой прозьбы: сїя должность очень велика, рѣшить судьбу людей въ Судейской, и очень мала слышать стонъ и жалобы нещастныхъ въ своей передней. Я не хожу кланятся моему приходскому попу, что бъ онъ пѣлъ обѣдню; такъ для чегожъ надобно, чтобъ я ходилъ просить моего судью отправлять должность его чина? Однако на конецъ послѣ такихъ отсрочекъ, будутъ наше дѣло севодни слушать.

Стрялч. Такъ: и очень надежно, что вы будете правы по одному пункту вашего дѣла: за тѣмъ, что есть на вашу сторону одинъ рѣшительный Артикулъ въ Карондасѣ.

Чел. Этотъ Карондасъ, по видимому какой Канцлеръ нашихъ первыхъ Королей, который здѣлалъ законъ въ пользу сиротъ.

Стрялч. Во все не то: онъ писатель и безчиновный человѣкъ, изьявившїй свое мнѣнїе въ одной толстой книгѣ, которой не читаютъ; но стряпчїе ею свидѣтельствуются, Судьи тому вѣрятъ, и такъ оправливаютъ.

Чел. Что такое, мнѣнїе Карондаса вмѣсто закона?

Стряпч. этова жаль, что Тюрнетъ и Бродо противъ васъ.

Чел. Другіе законодавцы такой же руки, конечно?

Стряп. Такъ, Римское Право не могло быть довольно истолковано въ томъ случаѣ, то дѣлятся на многія разныя мнѣнія.

Чел. Что говорите вы здѣсь о Римскомъ правѣ? развѣ мы живемъ при Константинѣ, или при Ѳеодосіи?

Стряпч. Не то, да наши предки любили очень охоту и Рыцарскіе подвиги. Они скакивали въ Обѣтованную Землю съ своими любовницами. Вы видите изъ сего, что такія важныя упражненія имъ не оставили времени учредить общаго Правознанія.

Чел. Я разумѣю, вы не имѣете Законовъ и ходите спрашиватся у Юстиніана и Карондаса, что надобно дѣлать, когда дѣлить наслѣдство.

Стряпч. Вы ошибаетеся, мы одни имѣемъ больше законовъ, нежели вся Европа вмѣстѣ! почти у каждаго города свой законъ.

Чел. Вотъ другое чудо!

Стряпч. Ахъ! когдабъ ваши сироты родилися въ Гинье ла Пютень, вмѣсто, что они уроженцы Мелюна, близъ Корбеля.

Чел. Хорошо, такъ что бы тогда было?

Стряпч. Васъ бы тотъ же часъ оправили; ибо Гинье ла Пютень построенъ въ такомъ мѣсте, котораго обычай со всемъ въ вашу пользу: а двѣ мили оттуда, уже все не то дѣло.

Чел. Да Гинье и Мелюнъ веть оба во Франціи. И не странноли это, что въ одномъ Французскомъ городѣ правда, то въ другомъ ложъ? По какому чудному Варварству это быть можетъ, что одноземцы живутъ не подъ однимъ закономъ.

Стряпч. По тому, что прежде сего жители Гиньеса и жители Мелюна не были одноземцы. Тѣ два изрядные города бывали въ добрыя времена двѣ Имперіи разныя: и Августѣйшій владѣлецъ Гиньеса, хотя и данникъ Французскаго Короля, но давалъ законы своимъ подданнымъ; тѣ законы зависѣли отъ воли его дворецкаго, который не умѣлъ читать, и ихъ почтительное преданіе дошло до Гиньесцовъ по наслѣдству; такъ, что хотя родъ Бароновъ Гиньескихъ перевелся, къ нещастью человѣческаго рода; а мысли ихъ первыхъ слугъ и по нынѣ состоятъ и служатъ вмѣсто основательныхъ законовъ. И такъ всѣ отъ почты до почты въ Королевствѣ перемѣняютъ Правознаніе, перемѣняя лошадей. Разсудите по тому, о бѣдномъ Стряпчемъ, когда онъ ходитъ, на примѣръ за Піа Апевенда, противъ Оверньяка.

Чел.

Чел. Да Потевинцы, Оверньяки, и господа Гиньесцы, ветъ одѣваются однимъ манѣромъ: развѣ тяжелѣ имѣть одни законы, нежели одно платье? и когда портные и башмачники согласны съ одного края Королевства до другова, то для чегожъ бы и Судьямъ того же не дѣлать?

Стрялч. Что вы требуете, то столькожъ не возможно, какъ имѣть одинъ вѣсъ и одну мѣру. Какъ хотите вы, чтобъ законъ былъ вездѣ одинаковъ, когда и четверикъ не ровенъ? что же до меня принадлежитъ, то я, какъ о томъ глубоко размышлялъ, нашолъ, что, какъ мѣра въ Парижѣ не есть мѣра въ Сен-Денисѣ; по тому надобно, чтобъ головы не такъ были здѣланы въ Парижѣ, какъ въ Сен-Денисѣ. Натура перемѣняется безъ числа, и не надобно покушатся дѣлать одинакимъ то, что здѣлала она столько различнымъ.

Чел. Да мнѣ кажется въ Англіи только одинъ законъ и одна мѣра.

Стрялч. Развѣ вы не видите, что Агличане Варвары? У нихъ одна мѣра, да вмѣсто того двацать разныхъ вѣръ.

Чел. Вы говорите мнѣ то, что меня удивляетъ; что такое народы, подъ одними законами живучи не живущіе, въ одной вѣрѣ.

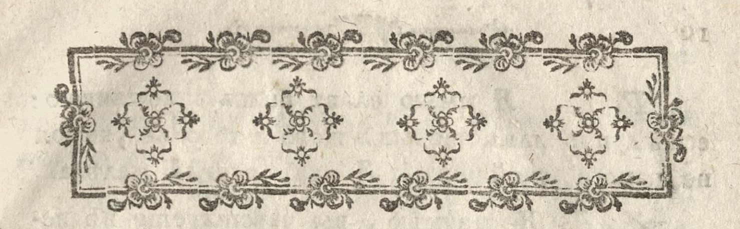
Стрялч. Нѣтъ, и одно то доказываетъ, что они оставлены отъ Бога.

Чел. Можетъ быть не отъ того ли это, что они чаяли, что законы зделаны для нужды людей, а вѣра для внутренности? Можетъ быть, что Агличане и другїе народы думали, что наблюденїе законовъ было отъ человѣка къ человѣку, а вѣра отъ человѣка къ Богу. Я чувствую, что нѣчево будетъ мнѣ жаловатся на Анабаптиста, которой велитъ себя окрестить въ 30. лѣтъ, а будетъ мнѣ очень не нравно, когда онъ мнѣ не заплатитъ по векселю. Тѣ, которые грѣшатъ единственно противъ Бога, должны быть наказаны на томъ свѣтѣ; тѣ которые грѣшатъ противъ людей, должны быть наказаны здѣсь.

Стрялч. Всево этова я не разумѣю, пойду за вашимъ дѣломъ.

Чел. Дай Богъ, чтобъ вы ево по больше разумѣли.

II.
РАЗГОВОРЪ.

Между госпожи Мантоны и Дѣвицы Никоны Анкло.

Госпожа Мантона, и дѣвица Никона Анкло жили долго вмѣстѣ. Сія славная дѣвица умерла 88. лѣтъ. Она любила одного писателя, и при томъ отказала ему нѣсколько по своему завѣщанію. Авторъ часто слыхалъ отъ покойнаго Игумена Шатонефскаго, что госпожа Мантона дѣлала все, что могла, чтобъ уговорить Никону здѣлатся богомольною и пріѣхать ее утѣшать въ Версалію, въ скучной великости и старости.

Г. М. Такъ, я васъ просила пріѣхать посѣтить меня тайно, вы думаете, можетъ быть за тѣмъ, чтобъ повеселится передъ вами моею великостію. Нѣтъ, а за тѣмъ, чтобъ найти въ васъ утѣшеніе!

Д. А. Утѣшеніе сударыня, я вамъ признаюся, что не слыхавъ отъ васъ ни чего, послѣ вашего великаго щастія я считала васъ щастливою.

Г. М. Я имѣю славу быть щастливою: есть души, для которыхъ того и довольно, но моя не такого свойства. Я васъ всегда жалѣла.

Д. А. Я разумѣю, вы чувствуете въ великости нужду дружбы, а я живу для дружбы, по тому не имѣла ни когда нужды въ великости, да для чевожъ вы меня такъ давно позабыли?

Г. М. Вы видите, надобно было казатся, будто я васъ забыла, повѣрте, что между нещастіями, привязанными къ моему возвышенію, больше всего во мнѣ эта принужденность.

Д. А. А я такъ не забыла ни моихъ первыхъ забавъ, ни моихъ старыхъ друзей. Да буде вы столько бещастны, какъ сказываете, то вами обманывается весь свѣтъ, всѣ вамъ завидуютъ.

Г. М. Я прежде всѣхъ обманулась, когдабъ, какъ мы ужинавали прежде сего вмѣстѣ съ Виларзомъ и Найтульетомъ въ переулкѣ Турнельскомъ; когда посредственной нашъ достатокъ насилу стоилъ труда, чтобъ намъ и подумать, и ктобъ нибудь тогда сказалъ мнѣ: вы будете нѣкогда при Дворѣ Силнѣйшій Монархъ въ свѣтѣ будетъ имѣть только къ вамъ повѣренность, всѣ награжденія будутъ итти только черезъ ваши руки; васъ будутъ признавать какъ Владѣтельную Государыню: когда бъ говорю я, мнѣ здѣлали такіе пророчества, я бъ сказала, что отъ ихъ исполненія должна я умереть съ удивленія и радости. Все то сбылося. Прежде

де я сама тому дивилася и ждала радости только ее не нашла.

Д. А. Философы могутЪ вамЪ повѣрить: только Публикѣ трудно будетЪ себѣ вообразить, чтобЪ вы были не довольны; а когда узнаетЪ, то будетЪ васЪ ругать.

Г. М. Надобно, что бЪ и Публика ошиблася какЪ и я. ЭтотЪ свѣтЪ есть пространный АмфитеатрЪ вЪ которомЪ каждый садится не чаянно на свою ступень, думаютЪ, что главное благополучіе на верьхнихЪ ступеняхЪ, какое заблужденіе!

Д. А. Я чаю что заблужденіе сіе нужно людямЪ; они бЪ не трудилися столько до нихЪ достигать, когда бЪ не думали, что благополучіе очень выше ихЪ. Мы знаемЪ обѣ забавы, нестолько наполненныя мечтаній. Только пожалуйте скажите, какЪ вы стали столько нещастливы на вашей ступени?

Г. М. АхЪ любезная Никона, сЪ того времени, какЪ я стала васЪ уже называть только дѣвицею де л - Анкло, я зачала быть уже не столько щастлива: надобно, чтобЪ я была чиновна, только могу вамЪ сказать, что нынѣ мое сердце пусто и мой духЪ вЪ принужденіи! я играю первую персону во Франціи, да только что персону, а живу наемною жизнію. АхЪ! когдабЪ вы знали, что такое есть, наложенное бремя страждущей душѣ, возбуждать другую душу и забавлять духЪ, который уже не забавенЪ.

Д. А.

Д. А. Я понимаю всю тяжесть вашего состоянія: я боюсь васъ обидѣть; разсуждая, что Никона щастливѣе въ Парижѣ, въ своемъ маломъ дворикѣ съ Аббатомъ де Шатонефъ и съ нѣсколькими друзьями, нежели вы въ Версаліи при человѣкѣ въ Европѣ всѣхъ почтеннѣе, который подвергаетъ весь свой Дворъ вашимъ ногамъ, я боюсь вамъ открыть превосходство моего состоянія, я знаю, что не надобно веселиться много своимъ благополучіемъ, при нещастливыхъ. Старайтесь сударыня принимать вашу великость въ терпѣніи, старайтесь забыть роскошную подлость, въ какой мы обѣ живали прежде сего, какъ вы были принуждены забыть вашихъ старыхъ друзей, одинъ способъ въ вашемъ печальномъ состояніи, не говорить ни когда.

Г. М. Прошедшее благополучіе, которое не можетъ возвратиться, мука моихъ мыслей, для чево я лишаясь тебя, не забыла вовся.

Д. А. Пейте изъ рѣки Лете, утѣшайтесь больше всего тѣмъ, смотря на столько Королевъ, которыя скучаютъ.

Г. М. Ахъ Никона! можно ли утѣшатся одной? Я имѣю одно предложеніе вамъ здѣлать, только не смѣю.

Д. А. Сударыня! конечно вы стыдливы? Но - - - осмѣльтесь.

Г. М. чтобъ перемѣнить по крайнѣй мѣрѣ однимъ видомъ вашу философію. Начинайте здѣ-

латъ

лать себя почтеною женщинною. Вы будете жить въ Версалїи, будете мнѣ другъ больше прежняго, поможете мнѣ сносить мое состоянїе.

Д. А. Я васъ люблю всегда сударыня, только вамъ признаюся, что себя люблю больше. нѣтъ способа, чтобъ здѣлалась лицемѣркою безщастною, за то, что щастье съ вами худо поступило.

Г. М. Ахъ жестокая Никона! у васъ толь жестокое сердце, какого и у Двора нѣтъ. Вы оставляете меня безъ жалости.

Д. А. Нѣтъ, я всегдач увствительна: вы приводите меня въ жалость, и чтобъ вамъ доказать, что я всегда такова жъ къ вамъ, я вамъ отдаю все, что имѣю. Оставте Версалїю и приѣзжайте жить ко мнѣ въ Турнельскую улицу.

Г. М. Вы мнѣ пронзаете сердце! я не могу быть щастлива при Дворѣ; да не могу же щастлива быть и тамъ. Вотъ горестное дѣйствїе Двора.

Д. А. Такъ нѣтъ у меня лѣкарства на неисцѣльную болѣзнь. Я посовѣтую о вашей бѣдѣ съ философами, которые приходятъ ко мнѣ! только не обѣщаю вамъ чтобъ дѣлали они невозможное.

Г. М. Что такое, быть на верху великости, быть обожаемою а не можно быть щастливою.

Д. А. Послушайте, есть можетъ быть здѣсь ошибка: вы ставите себя безщастною, единственно отъ вашей великости, полно еще и не отъ тово ли, что ужъ у васъ глаза не столько

хоро-

хороши, желудокъ не столько добръ, и желанїи не столь сильны, какъ прежде сего, потерять свою молодость, свою красоту, свои страсти, это прямое нещастїе. Вотъ для чево столько женщинъ дѣлается богомолками въ 50. лѣтъ и избавляютъ себя скуки, другою скукою.

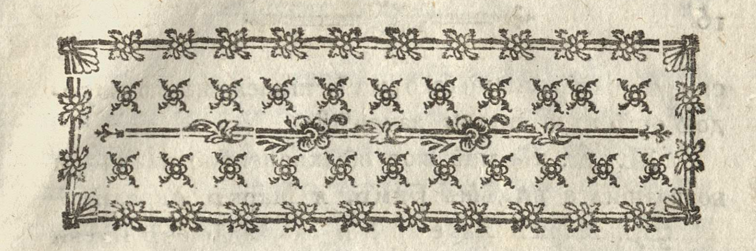
Г. М. Да вы старѣе меня, а вы не безщастна и не Богомолка.

Д. А. Изъяснимся: не надобно въ наши лѣта думать, чтобъ можно было пользоваться прямымъ благополучїемъ, надобно имѣть душу очень живу и пять чувствъ очень совершенныхъ, что бъ вкусить того благополучїя, а съ друзьями свободою и философїею, и въ наши лѣта можно снести душѣ и худо, когда она не въ своей сферѣ. Повѣрьте мнѣ, переѣзжайте жить съ моими философами.

Г. М. Вотъ идутъ ко мнѣ два Министра. Это очень далеко отъ философовъ, прости же моя любезная Никона.

Д. А. Прости Августѣйшая безщастница.

III.

РАЗГОВОРЪ

Марка Аврелїя и одного Францискана.

М. А. Насилу теперь еще узналъ. это конечно Капитолїя, а это храмъ. этотъ, человѣкъ, котораго вижу тамъ, конечно Юпитеровъ Жрецъ, другъ! поди сюда на часъ!

Фр. Другъ! это очень фамилїарно, надобно, чтобъ ты былъ съ лишкомъ чужестранецъ, подходить такъ къ брату Фулгенцїю Францискану, обывателю Капитоли, духовнику Герцогини *Пололи* и которой иногда говоритъ съ Папою, такъ же смѣло, какъ бы говорилъ съ простымъ человѣкомъ.

М. А. Братъ Фулгенцїй въ Капитолїи, вещи не много перемѣнилися. Я не понимаю ни чего, что ты говоришъ, развѣ не здѣсь Юпитеровъ храмъ.

Фр. Поди добрый человѣкъ, ты съ ума сошелъ! кто ты таковъ скажи, съ твоимъ

спа-

стариннымъ платьемъ и съ твоею малою бородою отъ куда ты и зачемъ?

М. А. На мнѣ мое обыкновенное платье, я возвратился видѣть Римъ, я Маркъ Аврелїй.

Фр. Маркъ Аврелий! я слыхалъ объ имени на ето похожемъ, бывалъ одинъ Языческій Императоръ, помнится мнѣ, что такъ назывался!

М. А. Ето я самъ, я захотѣлъ видѣть сей Римъ, который меня почиталъ и яево любилъ; сія Капитолія, въ которой я торжествовалъ, гнушаяся торжествами: Эта земля которую я здѣлалъ щастливою; только ужъ не узнаваю Рима. Я смотрѣлъ на столбъ который мнѣ возставленъ, и не нашолъ уже тамъ статуи мудраго Антонина, моего отца, тамъ другое лицо.

Фр. Етому я очень вѣрю господинъ Осужденный. Сикстъ Пятый збилъ твое лице со столба, а поставилъ на немъ образъ человѣка, который стоитъ больше твоего отца и тебя.

М. А. Я непротивлюсь, что очень легко стоить лутче меня: только думаю что трудно, кому быть, лутче моего отца. Мое благочестие могло меня обмануть: всякій человѣкъ подверженъ заблужденію; да для чего вы называете меня Осужденнымъ.

Фр. Для того, что ты осужденъ. Не ты ли, какъ мнѣ помнится, гналъ людей, которыми ты одолженъ, и они для тебя выпросили дождь чтобъ побить твоихъ непріятелей?

М. А.

М. А. Ахъ, далеко я отъ того былъ, чтобъ мнѣ кого нибудь гнать. Я благодарилъ Небо, что по щастливому обстоятельству къ стати здѣлался дождь въ то время, какъ мои войски помирали съ жажды, только я ни когда не слыхалъ, чтобъ я тѣмъ дождемъ былъ одолженъ людямъ, о которыхъ вы мнѣ говорите, хотя были они очень добрые солдаты. Я вамъ клянуся, что я не осужденъ. Я здѣлалъ очень много добра людямъ, а потому и не уповаю, чтобъ кому вздумалось восхотѣть мнѣ худо здѣлать. Но - - пожалуйте скажите мнѣ, гдѣ палаты Императора моего наслѣдника, ещели они на Палатинской горѣ? Я право не узнаваю моей земли!

ФР. этому я очень повѣрю: мы привели все въ совершенсиво. Буде вы хотите, я поведу васъ въ Монте - Кавалло. Вы будете цѣловать ноги у Святѣйшаго Папы, и вы получите отпущенie.

М. А. Пожалуйте скажите искренно, развѣ ужъ нѣтъ больше Императора и Имперiи Римской?

Фр. Я вспомнилъ, что есть Императоръ и Имперiя, да все это за 400 миль отсюда въ одномъ маломъ городѣ, называемомъ Вѣна, на рѣкѣ Дунаѣ. Я вамъ совѣтую туда итти

ти видѣть вашихъ наслѣдниковъ: а то здѣсь можетъ быть увидите Инквизиторовъ. Я васъ увѣряю, что честные отцы Доминиканцы шутокъ не любятъ, и поступятъ очень худо съ Марками Авреліями, съ Антонинами, съ Траянами и съ Титами, яко людьми, маловажными, въ разсужденіи Кардиналовъ и Папы.

М. А. О небо! Инквизиторы, Доминиканцы, Францисканы, Кардиналы, Папа: и Римская Имперія въ маломъ городѣ на Дунаѣ. Я всего этаго не ожидалъ: только понималъ, что въ 1600 лѣтъ, вещи въ здѣшнемъ свѣтѣ должны перемѣнится. Я бы любопытенъ былъ видѣть Римскаго Императора Маркомана, Квада, Цимбра, или Тевтона.

ФР. Вы будете имѣть сіе удоволствіе, когда захотите, еще и больше, такъ вы очень удивитеся, когда вамъ скажу, что Скифы имѣютъ половину вашей Имперіи, а мы другую. Что Папа такой же, какъ я Самодержецъ въ Римѣ! что братъ Фулгенцій можетъ быть и самъ такимъ, и будетъ нѣкогда подавать благословеніе на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы влекли при вашей колесницѣ побѣжденныхъ Царей. И что у вашего Дунайскаго Наслѣдника нѣтъ ни одного собственнаго города; а всѣ а они во владѣніи у Папы, да и самъ онъ иногда, суду его подверженъ бываетъ.

М. А. Вы сказываете мнѣ весьма чудныя дѣла, всѣ тѣ великия перемѣны не могли здѣлатся безъ великихъ нещастій. Я люблю всегда человѣческій родъ и о немъ сожалѣю.

ФР. Ты очень жалостливъ! Правда, это стоило цѣлыхъ рѣкъ кровей, и провинцій сто раззорено, только меньше сего не можно было, чтобъ брату Фулгенцію спать въ Капитоліи спокойно.

М. А. Такъ римъ, сія столица свѣта уже упала и сдѣлалась безщастна.

ФР. Упала, буде хотите, а что безщастна, то нѣтъ. Напротивъ того, міръ тамъ царствуетъ, Науки процвѣтаютъ. Древнія обладатели свѣта, теперь только учители въ Музыкѣ. Вмѣсто чтобъ посылать для поселенія въ Англію, мы туды посылаемъ пѣвцовъ и скрыпачей. Нѣтъ уже у насъ Сципіоновъ, разоряющихъ Карфагены, да нѣтъ же у насъ и изгнанниковъ. Мы промѣняли славу на покой.

М. А. Я старался въ мою жизнь быть философомъ, послѣ и прямо былъ такимъ. Я нахожу, что миръ можетъ равнятся со славою побѣдъ; только по всему, что вы мнѣ говорите; я могу думать, что братъ Фулгенцій не философъ.

ФР. Какъ? я не философъ! я съ лишкомъ философъ, я учился философіи да еще и Ѳеологіи.

М. А. Что такое Θеологїа, пожалуйте скажите?

ФР. Это -- это дѣлаетъ, что Папа здѣсь, а Императоровъ уже нѣтъ. Вы кажется завидуете сей славѣ, и не большой перемѣнѣ, здѣлавшейся въ вашей Имперїи.

М. А. Я почитаю вѣчныя Предопредѣленїя! знаю, что не должно роптать на судбину: удивляюся перемѣнѣ человѣческихъ дѣлъ! да когда надобно, чтобъ все перемѣнялось, когда Римская Имперїя пала, Папское владычество когда нибудь можетъ такъ же перемѣнится въ начальство свѣтское.

ФР. Я васъ оставляю, я иду въ палаты къ Папѣ.

М. А. А я иду во храмъ вѣчныя Славы. Прощай!

IV.

IV.

СЕНТ-РЕАЛОВО ПРЕДАНІЕ, О ЛЮБОВНЫХЪ ОБРАЩЕНІЯХЪ Древнихъ Римлянокъ.

Всѣ вѣки совершенно между собою сходны въ обычаяхъ, которыя источникъ свой въ сердцѣ человѣческомъ имѣютъ; ибо притчина будучи всегда тажъ, производитъ тѣже самыя и дѣйствія.

Изъ всѣхъ обычаевъ, болѣе всего примѣчается сходствіе въ дѣлахъ, касательныхъ до любви. Римляне, коихъ мы охотно ставимъ себѣ въ примѣръ, жили въ разсужденіи сего въ лутчее время, Республиканскаго ихъ правленія, почти такъ же, какъ живемъ нынѣ мы Французы.

Волокитство премѣнилось у нихъ въ щегольство и въ господствующій обычай, любовные обращенія женщинъ первыхъ степеней, были у нихъ такъ обычайны, что удивлялися, когда находили нѣкоторыхъ, которыя неподвергалися сему правилу, и хотя были между Римлянами, такъ, какъ и между нами, разборчивыя мужья, однакожъ то подлинно, что вообще мужья не очень огорчались, любовнымъ по.

 веде-

веденїемъ женъ своихъ, и чаще всего были лутчими друзьями ихъ любовникамъ.

Что кажется мнѣ совершенно сходственно съ нашими Французскими обычаями то, что почетнѣйшїя и лутчїя изъ нихъ люди были наиболѣе подвержены слабости женъ своихъ, такимъ образомъ, что едва можно было сыскать славнаго мужа въ послѣднїй вѣкъ ихъ Республики, который бы не могъ служить образомъ знатныхъ мужей, нашего времени.

Первый изъ Римлянъ былъ безпрекословно Юлїй Кесарь. Онъ не болѣе тритцати девяти лѣтъ имѣлъ отъ роду, былъ самый стройный и пригожїй Мущина, весьма любимъ женщинами и имѣлъ рѣдчайшїя качества: однакожъ весь свѣтъ знаетъ, тѣсное обхожденїе жены его Помпеи съ Клавдїемъ, знаетъ такъ же и то, что произошло отъ случившагося, во время жертвованїя Богини Доброй, и слѣдствїя, которыя навлекло оно Клавдїю Болѣе всего хвалили вымыселъ, съ которымъ Кесарь, не желая поссорится съ Клавдїемъ изъ сего обстоятельства выпутался, отославъ отъ себя жену свою, которую называлъ невинною, однакожъ не неподверженною подозрѣнїю.

Помпей

Помпей, сей славный соперникЪ КесаревЪ, сей человѣкЪ, названный великимЪ, на дватцать пятомЪ году своего возраста, возвращаяся сЪ войны противЪ Митридата, услышалЪ такія странныя дѣла, о обхожденій жены своей Мутіи сЪ ЮлїемЪ КесаремЪ, что не могЪ воздержаться, чтобЪ неотослать ея отЪ себя; однакожЪ послѣ того жилЪ вЪ тѣснѣйшемЪ дружествѣ сЪ КесаремЪ, и жена его Мутія вышла за мужЪ за человѣка знатнѣйшаго рода, нежели Помпей, столько сіи великія люди были снисходительны вЪ томЪ.

Исторїа жены Сенаторской, Матери Папирїевой, собравшей сонЪмЪ женщинЪ, и пришедшей кЪ Сенату, для испрошенія по два мужа каждой женѣ, всѣмЪ дѣянія Римскія чтущимЪ, извѣстна, а потому и повтореніе оной здѣсь не нужно.

МаркЪ Антоній ТріумвирЪ, имѣвшій рѣдкое, вЪ разсужденіи женщинЪ достоинство, видѣлЪ любовное обхожденіе первой жены своей сЪ Долабеллою, однакожЪ былЪ всегда лутчій ему другЪ, и должно думать, что не извѣстна ему была страсть Фульвіи, второи его жены кЪ Августу, который менѣе былЪ скроменЪ, и еще меньше ему другЪ, дабы скрыть отЪ него тайну, толь оскорбителную.

И естли то правда, какъ многія думали, что былъ онъ женатъ на Клеопатрѣ, то чрезвычайно былъ онъ обманутъ сею Египетскою владѣтельницею, которая видалася тайно съ Делїемъ, подъ видомъ, что былъ онъ другъ и повѣренный Антонїевъ.

Отецъ Брутовъ, бывшїй въ заговорѣ, видѣлъ любовное обхожденїе жены своей Сервилїи съ Кесаремъ и публично говорили въ городѣ, что Брутъ ихъ сынъ. Сервилїя была двоюродная сестра Катону, сему строгому и добродѣтельному философу, и страсть Кесарева къ ней никогда не прекращалась; ибо посреди множества забавъ и любовныхъ дѣлъ, коимъ Юлїй Кесарь предавался, хранилъ онъ всегда любовь свою къ Сервилїи, и всегда къ ней возвращался.

Лукуллъ, сей мужъ, коего прїятность, славныя дѣла и великолѣпїе безподобныя были, равную протчимъ, испыталъ участь, отъ жены своей Клавдїи, которая сладострастїе свое столь далеко простирала, что слюбилась съ роднымъ своимъ братомъ, толь явнымъ и предосудителнымъ образомъ, что на конецъ всѣ о томъ знали.

Отецъ его, не щастливѣе его въ томъ былъ, и всему свѣту извѣстно, до какой крайности

доходила Цецилія мать Лукуллова. Ибо надлежало имѣть всѣ превосходныя добродѣтели ея сына, дабы не быть отъ того помрачену.

Конца бы не было, когдабъ приводить здѣсь всѣ примѣры, которыя подаетъ намъ Исторія о сей матеріи. Сей вѣкъ былъ весьма подобенъ нашему Лудовикову, наполненъ любовными пристрастіями и слабостями.

Надлежитъ однакожъ признатся, что въ толикомъ множествѣ слабостей, находились нѣкоторыя женщины, толь рѣдкой и примѣрной добродѣтели, что сумнѣваюсь, можноли сыскать нынѣ превозходнѣйшихъ? Хотя и нынѣ есть между нами весьма много добродѣтельныхъ женщинъ.

Октавія третья жена Антоніева и сестра Августова, имѣла характеръ самый возвышенный и самый блистателнѣйшій, каковый только можно себѣ представить, все побуждало ее быть любострастною, но ни что не было въ состояніи внушить въ нее малѣйшее къ тому желаніе.

Ливія, жена Августова, самовластная Повелительница Имперіи и самаго Императора, который смотрѣлъ только ея глазами, и коего предубѣжденіе было безпредѣльное, при дворѣ самомъ хитромъ и искусномъ, не заслужила ни малѣйшей укоризны и злословія въ своемъ поведеніи.

Корнелїя послѣдняя жена Помпеева, коея вѣрность и великодушїе были предметомъ удивленїя всѣхъ вѣковъ, заслуживаетъ, чтобъ сказать про нее, что была она славнѣе своего Супруга и Побѣдителя его.

Въ изображенїи жены Павла Емилїя, находили такъ же характеръ великой добродѣтели, еще превосходнѣйшїй обрѣтали въ Порцїи, женѣ Брутовой.

Лукрецїя, равнымъ образомъ, чрезъ ироическїй поступокъ свой, прїобрѣла себѣ не кончаемую славу.

Весь свѣтъ знаетъ сїи преданїя и довольно сказать, Лудовиковъ нашъ вѣкъ ни въ чемъ не превосходитъ и не уступаетъ Кесареву.

V.

Писмо Бантамскаго посла къ своему Государю изъ Лондона.

ГОСУДАРЬ!

Рѣчи тѣхъ людей, съ которыми я живу, болѣе отдалены отъ ихъ сердца, нежели Лондонъ отстоитъ отъ Бантама, а не безъ извѣстно Тебѣ, что жители сихъ городовъ ни мало не свѣдомы другъ о другѣ. Здѣшнія называютъ Тебя и Твоихъ рабовъ Варварами, потому, что наши слова согласны съ мыслями, а себя они величаютъ вѣжливымъ народомъ, ибо они думаютъ совсѣмъ иначе, нежели говорятъ. У нихъ откровенность невѣжествомъ, а ложъ почитается учтивостію. Какъ скоро сошелъ я на берегъ въ здѣшнемъ государствѣ, посланный на встрѣчу то намъ, отъ Монарха сего острова Агличанинъ, говорилъ мнѣ, что онъ *очень жалѣетъ о беспокойствѣ, которое мнѣ нанесла, случившаяся за нѣсколько времени, передъ моимъ пріѣздомъ на морѣ буря.* Я самъ нѣсколько оскорбился, видя, что онъ обо мнѣ такъ печалится; но непрошло получетверти часа, какъ онъ началъ улыбатся, и здѣлался такъ веселъ, какъ бы никогда непринималъ участія въ моемъ безпокойствѣ. Другой, пріѣхавшій съ нимъ, говорилъ мнѣ, чрезъ моего переводчика, *что онъ за превеликое по-*

почтетъ удоволствіе, показать мнѣ свои услуги, и предлагаетъ все то, что отъ него зависитъ въ мою угодность. По чему я просилъ его, понести одну мою кису, до постоялаго двора; но вмѣсто того, что бы мнѣ тѣмъ услужить, какъ самъ обѣщалъ, онъ улыбнулся тому, и велѣлъ другому взять мою сумку. Первые сѣмь или восѣмь дней стоялъ я у одного хозяина, который сказалъ мнѣ, *что бы я почиталъ его домъ своимъ и распоряжалъ бы въ немъ какъ въ моемъ собственномъ.* Въ слѣдствіе того позволенія, предпринялъ я на другой день сломать одну стѣну, что бы пользоватся свѣжимъ воздухомъ, и увязать нѣкоторыя вещи изъ домовыхъ уборовъ его, въ намѣреніи подарить ихъ Тебѣ; но сей двоедушникъ, какъ скоро увидѣлъ мои намѣренія, такъ и прислалъ мнѣ сказать, что бы я перестaлъ то дѣлать, и что онъ не хочетъ терпѣть у себя такихъ безпорядковъ. Нѣсколько времени послѣ того, нѣкоторый человѣкъ, котораго здѣсь называютъ Государственнымъ Казначеемъ, и который есть изъ первыхъ бояръ въ Королевствѣ, говорилъ мнѣ, что великіе онъ имѣетъ отъ меня одолженія, которыя вѣчно не забудетъ. Чудясь такой чрезмѣрной благодарности, принужденъ я былъ его спросить: какая есть услуга, которую бы человѣкъ другому здѣлалъ, дабы обязать его себѣ на вѣчность? Но какъ бы то ни было,

Я у него требовалЪ толко вЪ заплату себѣ, чтобЪ ссудилЪ меня одною, изЪ любимыхЪ имЪ дѣвицЪ, на время моего пребыванія вЪ здѣшней землѣ, но я скоро нашелЪ, что онЪ также двоедушенЪ, какЪ и протчіе его земляки.

ВЪ первый разЪ, какЪ я былЪ при Дворѣ, одинЪ изЪ знатныхЪ господЪ, едва не лишилЪ меня моей осанки и благочиннаго вида, извиняясь по минутно передо мною, что не чаянно мнѣ на ногу наступилЪ. Они сей родЪ лжи называютЪ вѣжливостію, и когда хотятЪ быть учтивы передЪ знатнымЪ человѣкомЪ, то говорятЪ ему такіе неправды, за которыя бы ты приказалЪ лучшему своему Министру дать сто ударовЪ палкою по пятамЪ. Не вѣдаю, какимЪ образомЪ мнѣ, о малѣйшей вещи сЪ сими людми договариватся, потому, что не можно почти положится на ихЪ слова. Когда я ѣзжу посѣщать Королевскаго Писаря, то обыкновенно мнѣ сказываютЪ, что его нѣтЪ дома, хотя иногда назадЪ минуту, я его самЪ вижу входящаго вЪ свой домЪ.

ВЪ то самое время, какЪ они простираютЪ желанія свои наиторжественнѣйшимЪ образомЪ о моемЪ здоровьѣ, стараются здѣлать меня болнымЪ, ядовитыми своими напитками. Они часто пьютЪ сЪ превеликими чинами и за твое здравіе; но я ожидаю онаго болѣе отЪ Твоего хорошаго сложенія, нежели отЪ искренности ихЪ желаній.

Да

Да изыдетъ рабъ Твой здравъ и безвреденъ отъ сего рода лицемѣровъ, и да поживетъ столь долго, чтобъ упасть еще разъ къ стопамъ Твоимъ въ Королевскомъ престолномъ градѣ Бантамѣ.

КОНЕЦЪ.

ГПБ Русский фонд
18.256.3.45